ка». Такие же структуры характерны и для неосознанных кодовых переключений, которые заполняют лексические лакуны в речи на неродном языке.

Литература

1. *Чиршева, Г.Н.* Двуязычная коммуникация / Г.Н. Чиршева. – Череповец, 2004.

2. *Чиршева, Г.Н.* Кодовые переключения студентов: взаимодействие структурного и прагматического аспектов / Г.Н. Чиршева // Материалы XXXVIII Международной филологической конференции. Сек. «Психолингвистика», 11 – 13 марта 2009 г. Ч. 2. – СПб., 2009. – С. 44 – 46.

3. *Bolonyai, A.* In-between languages: Language shift/maintenance in childhood bilingualism / A. Bolonyai // International Journal on Bilingualism. – 1998. – V. 2. – № 1. – P. 21 – 43.

4. *Chirsheva, G.* How Russian students do things with code-switching / G. Chirsheva // Abstracts: 11th International Pragmatics Conference. – Melbourne, Australia, 2009. – P. 223.

5. *Grosjean, F.* The bilingual's language modes / F. Grosjean // L. Nicol (ed.). One mind, two languages. – Oxford, 2001. – P. 1 – 22.

6. *Myers-Scotton, C.* Duelling languages: Grammatical structure in codeswitching / C. Myers-Scotton. – Oxford, 1993.

7. *Myers-Scotton, C.* Contact Linguistics: Bilingual encounters and grammatical outcomes / C. Myers-Scotton. – Oxford, 2002.

8. *Myers-Scotton, C.* Mutual voices: An introduction to bilingualism / C. Myers-Scotton. – Oxford, 2006.

9. *Myers-Scotton, C.* Four types of morpheme: Evidence from aphasia, codeswitching and second language acquisition / C. Myers-Scotton, J.C. Jake // Linguistics. – 2000. – V. 38. – P. 1053 – 1110.

10. *Schmitt, E.* Early bilinguals – incomplete acquirers or language forgetters? / E. Schmitt // «Studia Humaniora et Paedagogica Collegii Narovensis». – Narva, 2008. – P. 311 – 330.

УДК 008

М.К. Шемякина

КОНЦЕПТ «ВОЗРОЖДЕНИЕ» КАК ОДИН ИЗ МЕХАНИЗМОВ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

Модель мира русской культуры традиционно включала представления об общинном укладе жизни, о наличии чувственно-родственной взаимосвязи с миром природы, ответственности перед землей, о важности священной «связи» с миром божественного.

В статье осуществляется попытка аналитического обзора первичной формы проявления культурной модели – мифологии как совокупности первичного знания о мире, полноценно реализующей концепт «возрождение».

Культурная модель, конкретно-историческая система миропредставлений, мифология, концепт «возрождение», русская культура.

The model of the world of Russian culture traditionally included the ideas of communal way of life; of sensory-related relationship with the natural world and the responsibility to the earth; of the importance of the "sacred" connection with the spiritual life. The article presents the analytical review of the primary forms of the cultural model - mythology - as a set of primary knowledge about the world, fully implementing the concept "revival".

Cultural model, historical system of representation of the world, mythology, concept "revival", Russian culture.

«Культура, – закономерно отмечают исследователи, – это совокупность концептов и отношений между ними, выражающихся в различных «рядах» (прежде всего в «эволюционных семиотических рядах», а также в «парадигмах», «стилях», «изголосах», «рангах», «константах» и т.д.); надо только помнить, что нет ни «чисто духовных», ни «чисто материальных» рядов» (Ю.С. Степанов) [15, с. 38]. Традиционный для философии и логики термин «концепт» определяется как целостная совокупность свойств объекта, а в традиционной логике синонимизируется в значении с «мыслью» и «понятием». В культурологии же мыслился как «формально-логическая идея вещи, явления» <…> его вербализуемая концепция, документально изложенный проект» [6, с. 196]. Ж.Ф. Ришар подчеркивает, что концепт обязательно несет «некоторую базовую когнитивную сущность, позволяющую связывать смысл с употребляемым словом» [12, с. 15].

Возрождение, рассматриваемое в качестве исторической эпохи или особого мироощущения, тенденции развития культуры в ее повторяемости или опоре на прошлые ориентиры всегда есть придание человеческой жизни «вихревого движения» (А. Блок), попытка постижения нового и поиск иных, нежели утверждены, способов и форм этого постижения. Сама история в таком контексте будет мыслиться как «осуществляемая в виде (в форме) сменяющих друг друга культур». При этом культура будет пониматься в качестве своеобразных узлов и форм, «в которых процессы эволюции и истории приобретают константный однородный характер» [13, с. 222].

Концепт «возрождение», закрепляемый в культурной традиции, будет проходить несколько фаз осмысления:

1. Реализоваться в центральном понятийном поле как историческая эпоха. Возрождение, Ренессанс – период в культурном развитии стран Западной и Центральной Европы (в Италии XIV – XVI вв.; в

других странах – конец XV – начало XVI вв.), переходный от Средневековья к культуре Нового Времени. Эпоха великих географических открытий, возрождения гуманистических идеалов и духовных ценностей античности.

2. Определяться как мировоззренческое**,** идеологическое поле развертывания гуманистической мысли, проявляющей доминантные характеристики культурного ренессанса.

3. Осмысливаться в качестве модели культуры, формирующейся как предощущение, возникающее в парадигме самой культуры посредством творческого провидения ее носителей.

Последнее будет апеллировать к культурным моделям не только настоящего времени, но и искать формы понимания в системе возникновения знаний о мире и человеке. При этом культурная модель (от лат. Modulus – «мера», «образец») будет пониматься как конкретно-историческая система миропредставлений и мироощущений, основанная на представлениях о мире и включающая совокупность как рационально-понятийных, так и чувственно-образных способов восприятия и отражения. Культурная модель, отмечает Ю.П. Тен, представляет «целостный образ мира, который формируется в рамках исходных мировоззренческих установок (мифологических, религиозных, философских, художественных, научных) социальной общности» [16, с. 10].

Первичной формой проявления культурной модели, реализующей концепт «возрождение», для традиционной культуры русского народа справедливо считается мифология.

Мифология в своей выраженности в мифе в языковой семантике (греч. mythos – повествование, предание; logos – знание) понимается как опыт постижения внешних и внутренних взаимосвязей, «древнее народное сказание о богах, легендарных героях, о происхождении мира и жизни на земле» [14, с. 278], некий «яркий образ, который воспринимается как сама реальность» [4, с. 29] (А.В. Гулыга). Мифология явилась первичной формой не только проявления культурной модели славянства, реализующей концепт «возрождение», но стала и колыбелью зарождения системных знаний о мире для традиционной культуры русского народа.

Язычество, центральной составляющего которого была мифология, составляло основу духовной культуры славян и детерминировало особенности культуры материальной (земледельческой), поскольку, с одной стороны, она была обусловлена мифологическим мышлением, ориентированным на вечное возрождение, а с другой – конкретной формой хозяйственной деятельности с постоянным повторением бытовых процессов. Ведь как подчеркивал А.С. Хомяков, именно оседлость и земледелие славянства создали условия для семейного быта и просвещения [18].

Мифология представляла собой неразрывное единство (синкретизм) восприятия, переживания, первичного знания о мире. Мифотворчество в таком ракурсе называли одной из форм мыслительной деятельности по созданию образа мира, важнейшей функцией которой являлась этиологическая (определение реалистично действующих детерминант). Категориальной же характеристикой мифологического мышления служило целостное восприятие и рассмотрение возрождающегося мира (представления о земле и рождении жизни, соотнесение планет с мужским и женским началом: солнце – мужское – золото-огонь; луна – женское – серебро-вода).

Однако реалистичность мифа во многом основывалась не только на реалиях окружающего мира, но, прежде всего, на особенностях первобытного сознания, когда даже создания коллективной фантазии, в которых мир предстает в виде конкретно-чувственных вымышленных существ», мыслятся «как вполне реальные» (В.А. Маслова) [8, с. 8].

Эта полярная сторона мифологии – ее творческое (фантазийное), поэтическое начало – есть не что иное, как специфическая модальность, которая и предполагает «неразличение реального и идеального, начала сущности бытия и небытия» (Е.М. Мелетинский) [9, с. 15 – 16]. И в этой «специфической модальности мифа» находили мифологи еще один аргумент его реалистичности: мифология в целом и миф в частности не утверждает неправды – он искажает правду. «Миф ничего не скрывает, ничего не афиширует, он только деформирует; миф не есть ни ложь, ни искреннее признание, он есть искажение» (Р. Барт) [1, с. 95]. Потому в соединенности общей идеи и чувственного образа видел А.Ф. Лосев основообразующий феномен мифа, утверждая: «Миф есть чудо».

Еще в колыбели своего развития славянская цивилизация представала как целостная совокупность духовно-нравственных и материальных форм существования славянской общности, определившая ее историческую судьбу и сформировавшая национальное сознание образованного позднее на ее основе русского народа. Уже в древнейший период, подчеркивают исследователи, духовное преобладает над материальным, молитва звучит как обращение к Богу, а обряд рассматривается как таинство (А.С. Хомяков).

«Родительные» силы, на которых обретает полновесное звучание концепт «возрождение» будут изначально заключены в архетипичных и архаичных образах мировоззренческого порядка – первородных стихиях: воде, огне, земле.

Так, вода изначально функционирует в русской культуре как «древний универсальный символ чистоты, плодородия, источник самой жизни <…> символ всех вод, растворения, смешения, сцепления, рождения и возрождения» [3, с. 43]. Стоит отметить, что несколько позже эту функцию вберет в себя таинство крещения, соединив в себе очищающие, растворяющие и плодородные свойства воды: смывание греха, растворение старой жизни и рождение новой. В христианстве вода вообще могла быть метафорой духовной жизни и спасения. Реализуемыми референтными проявлениями стихии становится дождь, потом, реки – символы плодородия, судьбы, преображения, начала нового судьбоносного цикла жизни.

Возжигание огня также издревле давало понятие

очищения, наступления новой жизненной фазы, получением шанс возродиться, сделаться добрее и лучше.

Земля испокон веков понимаемая как кормилица, рождающая и продолжающая жизнь, антагонистически противопоставлялась небу, но и соединялась с ним дождем для воссоздания жизни.

Мифологическое осмысление получали непосредственные человеческие реалии: жилище, очаг, постройки. Они закреплялись в сознании как место, освоенное мифологическими существами – духами (домовым, банником, дворовым и т.д.). Не случайно, раннеисторический (а в отдельных работах, доисторический) период постижения мира славянами шел через сопоставление с поведением человека (антропоморфизм), с частями его тела (формирование мер и величин), через перенос отношений между людьми (прежде всего, родственных) на отношения природных объектов. Но, одновременно, именно сейчас происходит и проникновение во внутренний мир человека посредством осмысления наблюдений над внешним миром.

Исследованиям этого многогранного процесса посвящены многие труды представителей русской мифологической школы. Как подчеркивал А.А. Потебня, вероятно, «сначала человек стремился увидеть состояние своей души в окружающих его явлениях природы, и ход этого сознания себя во внешнем мире дает ему наслаждение творчества» [10, с. 452]. Простая, но в мировой практике универсальная, мысль о первородном единстве человека и природного мира, осмысливаемая как создание глубинной сопричастности ко всему происходящему вокруг миропорядку, в целом рождала, с точки зрения ученого, понятие мифологии в ее духовном основании. Тем более, что связь с разумной вселенской жизнью, основанной на законах возрождения, имела реальные вещные основания, но, отождествляясь с реальными вещами, опредмечиваясь, обретала черты нереальные.

Возможно, именно эта сторона мифологии позволила А.Ф. Лосеву заключить, что «миф не есть бытие идеальное, но жизненно ощущаемая и творимая вещественная реальность» [6, с. 400 – 401]. И эта изначальная «творимость», реального бытия мифа и в целом мифологии породила их дуалистическую сущность, выражаемую в семантическом соединении в своих внутренних глубинах поэтического начала и реалистической правды. Миф, справедливо писал К.Г. Юнг, был языческим всем: «и формой самовыражения, и формой мышления, и формой жизни» [19, с. 17].

Мифопоэтическое отношение к окружающему миру основывалось на синкретическом сознании, в неразрывном целом соединяющем эмоционально-образное восприятие мира, его логическое осмысление, реалистические элементы (наблюдения за кругооборотом воссоздаваемой природы) и вымысел (фантастическое образное осмысление изображаемого – идею возрождения как механизм жизни). Однако феномен мифологии как раз и заключается в том, что она не соотносима с простыми образами, возникающими в сознании одного человека. Образы мифологии, закрепленные в слове, «становились достоянием целого коллектива» (И.М. Стеблин-Каменский), и основой подобных форм «коллективного представления» (Э. Дюркгейм) являлось «сакральное слово», «развернутое магическое имя» (А.Ф. Лосев).

Как отмечал В.Я. Пропп, мифология характеризовались содержанием священного, сакрального характера, были непосредственно связаны с ритуалами и магическими действиями, поскольку своей целью имели совершение действий, воздействующих на природу [11, с. 30]. При этом орудием магического воздействия становилось заговорное слово, закрепляемое в сознании, миф. Мифология же по своей сущностной природе являла собой, по мысли В.Н. Топорова, результат последовательного воспроизведения «первособытия первоначальных времен» [17, с. 60]. В результате сакральность мифологии и мифа затрагивала все стороны бытия, и эта «всесакральность» составила одну из наиболее характерных черт мифологической модели мира [17].

Славянская культура дала категорию сакрального времени, времени перерождения, когда любое превращение (преображение) во всех своих разновидностях символизирует освобождение от природных ограничений и неизбежной смерти. Именно в такой интерпретации будет существовать Ирий (его называли островом Буяном, и этот остров известен нам по многочисленным сказкам и заговорам) воспринимался как своего рода «генератор жизни», обитель добра, света и красоты. Сама жизнь в первичном времени мыслилась как возобновляемые константы бытия, потому жизнестроительная символика статично закреплялась в символах круга, колеса, кольца.

Тот же уровень символизации был очевиден в мифопоэтической божественной системе, в трансляции образов богов, символизирующих первородную организацию природного мира: Род, Рожаницы, Ярила. Богини Рожаницы Лада и ее дочь Леля – символизируют вечное обновление жизни. Род и Рожаницы – продолжение рода, бессмертие, вечность. Обновление природы передает миф о Перуне и Велесе. Пробуждение земли каждой весной после лютой зимы, а в интерпретации мифа – восстановление Велеса, прекрасная иллюстрация реализации модели возрождения.

Подобное восприятие закрепится в традиционной культуре не только на основе архаического или новейшего отношения к бытийным реалиям, но и к природным сегментам, например, деревьям (Верба, Ель, Сосна, Акация).

Всеохватность мифологической сакральности породила полифункциональность мифологии, становившейся основанием социализации, регуляции (нравственно-нормативная функция), познания и других реалий жизни славян. Не случайно, к важнейшим функциям мифа относит С.М. Кошарная эсхатологическую (мифы о загробном мире, о конечности человеческого бытия и бессмертии души), космогоническую (мифы о происхождении вселенной), семиотическую и др. В мифе, отмечает ученый, «находят отражение специфические, характерные

именно для него сюжеты (схемы), персонажи (в том числе персонификации), их взаимоотношения, семейные и прочие связи, специфика поведения персонажей, включая речеповеденческие особенности, природная среда, пространственный и временной континуум, функциональные особенности предметов быта, в результате чего миф и создает новую, параллельную «реальность», мифологическую картину мира и действительности и – вследствие этого – особую языковую концептуальную картину действительности, языковой образ мира» [5, с. 84]. Следовательно, мифология может быть рассмотрена как особая «вторичная семиологическая система» (Р. Барт), транслирующая архаичную концептуальную модель мироздания.

Многие ученые признают именно мифологию как способ установления гармонии между человеком, природой и культурой, эстетический феномен которой как раз и заключался в специфике деятельности мифологического мышления как *творческой* активности человека (Ф.И. Буслаев). Е.М. Мелетинский считает, что миф является одним из глубинных уровней сознания, его главной целью, становится «поддержание гармонии личного, общественного, природного, поддержка и контроль социального и космического порядка, в чем мифам помогают ритуалы» [9, с. 5 – 6].

Результатом мифологизации природы древними славянами стали сказания о богах, полубожествах, духах. В сознании славянина в представлении о Роде, Белбоге, Рожаницах выразились высшие нравственные силы. С их именами также связывался круг понятий, замечал Б.А. Рыбаков, имеющих прямое воплощение в смысловых выражениях русского языка: «природа», «род», «народ», «родина», «урожай», «возрождение», символизировавших собой почитание нравственного принципа мироздания, который воплощало понятие Род.

«Жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность и телесная, до животности телесная действительность» (А.Ф. Лосев) имела свое непосредственное выражение в анимизме и тотемизме [7, с. 400 – 401]. И зверь символизировал кровное родство с человеком и преображенное человеческое естество, и возрожденного человека в преображении.

Языческие верования предков, отмечает А.В. Бородина, вошли не только в народное искусство (былины, были, сказки, орнамент, костюм), они «прочно вошли в жизнь русского народа, сохранившись до наших дней в виде фольклора, народных праздников, украшений жилища, предметов быта <…> В народе сохранились до сих пор некоторые славянские заклинания, поверья и обычаи» [2, с. 56], так или иначе отразившие концепт возрождение. Миф лег в основу создания русской культурной модели мира.

Модель мира русской культуры включила представления об общинном укладе жизни, о наличии чувственно-родственной взаимосвязи с миром природы, ответственности перед землей, о важности священной «связи» с миром божественного, предпосылкой вписываемости в миропорядок которого видятся формы религиозного служения (духовного, плотского), о православии как смыслоопределяющей реалии духовного пути русского народа, о вечном искании социального миропорядка, правды и справедливости, о возрождении, возможности восстановления утраченного, всеобщего прощения и надежды на будущую жизнь.

Литература

1. *Барт, Р.* Избранные работы. Семиотика и поэтика / Р. Барт. – М., 1994.
2. *Бородина, А.В.* История религиозной культуры: Основы православной культуры / А.В. Бородина. – М., 2003.
3. *Грессидер, Дж.* Словарь символов / Дж. Грессидер. – М., 2001.
4. *Гулыга, А.В.* Русская идея и ее творцы / А.В. Гулыга. – М., 1995.
5. *Кошарная, С.А.* Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира / С.А. Кошарная. – Белгород, 2002.
6. Культурология XX век. Словарь. – СПб., 1997.
7. *Лосев, А.Ф.* Страсть к диалектике / А.Ф. Лосев. – М., 1990.
8. *Маслова, В.А.* Преданья старины глубокой в зеркале языка / В.А. Маслова. – Минск, 1997.
9. *Мелетинский, Е.М.* От мифа к литературе / Е.М. Мелетинский. – М., 2000.
10. *Потебня, А.А.* Слово и миф / А.А. Потебня. – М., 1989.
11. *Пропп, В.Я.* Русская сказка / В.Я. Пропп. – М., 2000.
12. *Ришар, Ж.Ф.* Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений / Ж.Ф. Ришар. – М., 1998.
13. *Розин, В.М.* Культурология / В.М. Розин. – М., 2004.
14. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 2. – М., 1988.
15. *Степанов, Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М., 1997.
16. *Тен, Ю.П.* Культурология и межкультурная коммуникация / Ю.П. Тен. – Ростов н/Дону, 2007.
17. *Топоров, В.Н.* Предыстория литературы у славян. Опыт реконструкции (Введение к курсу истории славянских литератур) / В.Н. Топоров. – М., 1998.
18. *Хомяков, А.С.* «Семирамида» / А.С. Хомяков // Сочинения: в 2 т. – М., 1994. – Т. 1. – С. 166 – 303.
19. *Юнг, К.Г.* Душа и миф: шесть архетипов / К.Г. Юнг. – Киев; М., 1997.